

Tul_05_019

24.07.2005, г. Тульчин.

Инф.: **Бекман (Меламуд) Фира Израилевна**, 1926 г.р. (ФБ)

Соб.: А. Кушкова (АК), К. Викторова (КВ).

АК: Вот как раньше в Тульчине жили евреи до войны и после войны.

Нас как бы все вот интересует.

ФБ: Ну я знаю (?). У меня уже были.

АК: Да. Ну вот мы не были. Нам рассказали, что вы очень интересно рассказываете.

ФБ: Да?

АК: Да.

ФБ: Ну, пожалуйста. Что вас интересует? Спрашивайте?

АК: А вы не здесь родились?

ФБ: Я родилась здесь. Ну что я могу? Если я здесь родилась, я ничего не могу знать, когда я была маленькая. Я могу уже знать – перед самой войной. (Нрзб)...

АК: Ну детская-то память, она цепкая такая. Детская, так что...

ФБ: Ну, смотря что.

КВ: А в школе вы в еврейской учились?

ФБ: Нет. Здесь не было еврейской школы.

КВ: Как? Не было?

ФБ: Была, но я здесь не училась в еврейской школе. Я начала учиться в еврейской школе, когда мы жили в Харькове.

АК: А, вы...

КВ: А когда вы уехали?

ФБ: Я была совсем малой. Я была... шоб я помнила. Во всяком случае я в первый класс пошла в еврейскую школу в Харькове. Но я по... позанималась один год, и все. Мы уже уехали из Харькова, и я уже пришла сюда, поступила в украинскую школу. Поступила в украинскую школу. И кончала здесь украинскую школу.

КВ: А вот много было еврейских детей в украинской школе?

ФБ: Много.

АК: Да?

ФБ: Да.

АК: То есть...

ФБ: Была еврейская школа, но я не знаю, что скажем (сколько?) там был.

АК: А почему вот, скажем, предпочитали отдалать детей в школу, где не учат ни языка там, ничего. Она лучше была эта школа, украинская?

ФБ: Не знаю, не знаю. Я знаю, что в еврейскую школу я здесь не ходила. Я только могу написать свое имя и фамилию. И все. И больше я ничего не помню с этого еврейского языка.

АК: Но когда говорят, вы так понимаете, о чем?

ФБ: (Нрзб) теперь я хорошо понимаю, хорошо понимаю, я говорю.

Теперь совсем другой, новый зна... я вот плохо... я понимала, но я говорить почти не могла. А во время войны я хорошо научилась говорить по-еврейски.

АК: А каким образом во время войны?

ФБ: Я вам скажу: там были чужие люди. Мы жили в Узбекистане, узбеки. Ну так там по-еврейски мы говорили, между... между своими говорили. По-еврейски, потому что мы узбекского языка не знали. И там я научила более или менее говорить. А после войны уже хорошо начала говорить и все понимала. Потом понимать – не литературный язык, потому что литературного я не знаю. такой, простой язык я знаю.

КВ: А дома, и дома вы говорили по-украински вы?

ФБ: По русски...

КВ: По-русски?

ФБ: По-русски.

КВ: А в русскую школу... русская ни... школы не было здесь до войны?

ФБ: Была.

КС: Но вы пошли в украинскую?

ФБ: Я пошла в украинскую школу.

АК: А вот этот литературный, *литерарише идиш*, он как отличается от...

ФБ: Он отличается. Он отличается, и я много не понимаю.

АК: То есть там много... другие слова как бы, да...

ФБ: Да, да, да. Там другие слова.

КВ: А... вы по-еврейски стали говорить в Узбекистане. Там было много евреев отсюда?

ФБ: Много было.

КВ: И вы все между собой говорили...

ФБ: Ну кто с нами жил. Мы жили в селе.

КВ: А там они по-русски говорили?

ФБ: Нет, там по-узбекски в основном говорили. По-узбекски... мы немножко понимали на... мы их понимали, мы немножко научились...

АК: По-узбекски...

ФБ: Понимать по-узбекски и говорить. Но лучше по(нрзб).

АК: А там в основном были вот эвакуированные именно из Подолии? Или из других мест тоже?

ФБ: Из других мест тоже. Да. Там много было евреев. Приехали.

АК: Нам тут рассказали вот украинцы, что было такое выражение... ну считалось вот, что евреи не воевали. Что они уехали в эвакуацию и что они воевали на ташкентском фронте.

ФБ: Да-да...

АК: Вот такое выражение.

ФБ: Мы поехали, евреи, туда в Ташкент. Мы поехали женщины и дети. А евреи воевали. У меня... ни один миллион погиб на фронте...

АК: Ну вот почему-то многие все равно считают, что немного...

ФБ: Ну, так считается... вот у (нрзб) трое остались (?). У меня отец погиб на фронте. У меня отец погиб на фронте. И миллионы других погибли. В лагерях многие погибли. Шесть миллионов только в одном... в одном лагере погибло.

АК: Нда... А вот дома здесь вот когда вы еще жили до войны, у вас праздновали Пейсах дома?

ФБ: А как же? Пейсах...

АК: А расскажите, вот как это было?

ФБ: Как было?

АК: Угу...

ФБ: Ну я вам скажу... у меня был дядя старик, так он так по-настоящему делал праздник. И мы с папой, с мамой приходили к нему. Там на столе была маца. Бабки из этой, из этой мацы рыба была фаршированная...

АК: Гефилте фиш...

ФБ: Гефилте... ну... маца, рыба, бабки. Все, что делалось на... на Пейсах.

АК: И дядя был главой седера, да?

ФБ: Да, в этой квартире он был главой седера.

АК: А вот как это происходило вот?

ФБ: Все, после синагоги под вечер он приходил. Все сидели за стол... за стол. На столе было все разложено так, как нужно. И вся семья сидела за столом. И ела. Хлеба на столе не было. Маца только была. Бабки делали всякие из этой мацы. Хороший праздник был, очень хороший.

АК: А посуда специальная была какая-то?

ФБ: У стариков была специальная посуда.

АК: А шт...

КВ: У стариков?

ФБ: Да. Старики придерживались этого праздника. Понимаете. Это не этот... посуду именно на Пейсах держали на чердаке. Чтобы не прикасались этой посуде.

АК: Вот ее называли кушер, да вот...

ФБ: Да...

АК: Кушер, да...

ФБ: Посуда специально была кошерная.

КВ: А вот перед тем, как начинали седер, дядя что-то говорил?

ФБ: Да, он говорил что-то...

КВ: А вы понимали?

ФБ: Нет. Что я понимала, я не понимала...

КВ: А он на каком языке говорил?

ФБ: Он говорил на еврейском на таком... на древнееврейском. Он читал книгу.

КВ: А... он книгу читал...

ФБ: ...он читал книгу.

АК: Сидер да вот этот?

ФБ: Да, да. Он читал книгу. Но мы что понимали? Ничего.

АК: А вот дети должны были что-нибудь делать во время седера?

ФБ: Никто у нас ничего не делал. Сидели тихонечко и слушали, что (нрзб) говорил, и все. И по его разрешению начинали кушать после того, что он помолился.

АК: То есть вам не нужно там было вот... какие-то вопросы задавать?

ФБ: Нет, нет. Не-не. *Каши...* *Каши...*

АК: Да. *Фир кашес.* Было?

ФБ: Да, да. Это... было. Но... мы не задавали уже. Мы и не знали о них.

АК: А почему вас не учили? Если так вот соблюдали...

ФБ: Нас не учили, не, не, не... у нас семья была неверующая вообще...

АК: Но делали сейдер, да?

ФБ: Делали. Именно у этого старика мы делали. Дома мы сами у себя не делали ничего.

КВ: А вы только на Пейсах к нему ходили или на другие праздники тоже?

ФБ: Не, вообще-то мы ходили к нему, часто ходили. Но этот Пейсах мы у него отмечали.

КВ: А еще какие праздники?

ФБ: А у себя мы тоже делали. И маца у нас была, и бабки. И все это было. Но не буюло... никакой молитвы, мы не читали.

АК: А вы сами мацу делали, да? Или покупали.

ФБ: До войны здесь были женщины, что пекли эту мацу.

АК: Угу...

ФБ: Специально...

АК: Еврейские женщины...

ФБ: Да. И после, и после. И после войны тоже были. Но последние годы начали продавать эту мацу и привозить ее сюда. А первые годы после войны делали только сами.

АК: А вот такое слово афикоймен, вот оно как-то... не... всплывало...

ФБ: Не знаю, я не знаю, что это такое...

АК: Это вот когда дети там прятать что-то должны были во время седера пасхального...

ФБ: (Усмехается) Не знаю. Этого я не знаю.

АК: А у дяди была своя семья?

ФБ: Да.

АК: То есть вы как бы двумя семьями...

ФБ: У него жена... у него жена. Были дети. Конечно, все мы, мы все вместе сидели за одним столом.

АК: А вот он своих детей больше учил вот всяким таким вещам?

ФБ: Он им ничего не учил...

АК: Тоже не учил, да?

ФБ: Нет. Он им ничего не учил.

КВ: А у них в семье только дядя мог по древне-еврейски читать или...

ФБ: Дядя и тетя.

КВ: И тетя могла?

ФБ: Да, да, да, да.

КВ: А они учились (петь?нрзб) да, или... не знаете?

ФБ: Нет, жили в семье. У нас здесь Горишковка – жили... там у них это было все так. Учились они там еврейскому всему. Отец у него... папа был как вам сказать... меламед... учитель...

АК: Меламед, угу...

ФБ: Так папа кое-что знал, но... ничего не читал, ничего не умел читать. Нет, Тору он умел читать, потому что он... в Харькове учился в институте журналистики. На еврейском факультете.

АК: Был такой факультет, еврейский?

ФБ: Да.

АК: И он там кончил это факультет?

ФБ: Да.

АК: Это папа ваш, да?

ФБ: Папа мой учился там, кончил...

АК: И это в каком году приблизительно он кончил... получается...

ФБ: В каком году? Это до войны было. Это было до тридцать шестого года. Потому что в тридцать пятом году, в тридцать четвертом мы приехали сюда в Тульчин. Он кончил институт, и он захотел приехать сюда в Тульчин. И он приехал сюда.

АК: И он работал как журналист, да вот?

ФБ: Он приехал. Да. Он был этим... редактором местной газеты. Украинской.

АК: Украинской?

ФБ: Украинской. Здесь не было газеты еврейской.

АК: Не было...

ФБ: Она работала там в газете, потом он работал в райкоме партии, в обкоме партии. Он был такой... член партии с двадцать шестого года.

АК: Угу, угу... а он сам какого года рождения?

ФБ: Он был девятью второго, девятьсот второго года.

АК: А вот вы говорите, тетя тоже знала... язык...

ФБ: Знала. Она была старше брата – родная сестра папы. Она была старше папы. Она жила в этом селе в Горишковке. И там... я же говорю, что ее отец был... ее отец был...

АК: Меламедом.

ФБ: Меламедом. Он их учил...

АК: То есть домашнее такое, да...

ФБ: Да, домашнее, конечно (?).

АК: А вообще вот девочки могли вот получать как-то образование? Вот если отец не меламед, вот где они могли получить образование?

ФБ: Нет, почему? Были там. Именно в селе в этом... было. Там... по моему, там не было школы еврейской, не было. Точно там не было школы. Так уже дома их учили.

АК: А нанимали там преподавателей специально, нет?

ФБ: Нет. Я думаю... Шо там для них, шо там было. Был этот меламед – хорошо. А так...

КВ: А ваш папа не боялся – ну вот он партийный, да, и занимает высокие должности – что вот ходил вот на такие религиозные...

ФБ: Нет, это не... не запрещалось.

КВ: Не запрещалось, да?

ФБ: Это не запрещалось. Обрезание запрещалось делать до войны. Эо запрещалось. Это нельзя было, чтоб кто-то знал... это преследовалось...

КВ: А делали все равно...

ФБ: А?

КВ: Делали...

ФБ: Делали, но по секрету делали, чтоб никто не знал.

КВ: А кто делал? Синагогу же уже закрыли, да?

ФБ: Синагогу не закрыли. А делал именно... старый еврей делал это обрезание. Раввины там...

АК: Раввины сами делаи обрезание? То есть не было специального человека...

ФБ: Не-не-не-не. Раввины делали.

АК: И вот... это как-то подпольно... я понимаю... но кого-то приглашали вот из евреев тоже, чтобы присутствовали.

ФБ: Конечно, конечно приглашали. Ходили в синагогу. У нас же была синагога до войны здесь. (Нрзб).

КВ: А обрезание делали в синагоге или...

ФБ: В синагоге, конечно.

АК: А-а, подпольно, но в синагоге, да?

ФБ: Да...

АК: Ну а потом – я не знаю... торже... празднество какое устраивали? Отмечали как-то этот... это событие?

ФБ: У себя дома отмечали это событие. Я говорю, что посидеть (?)...

АК: Угу... а вот что говорили, вот как-то мать поздравляли там или отца вот что...

ФБ: Вот это я не знаю. Я говорю, это (нрзб) при мне (?), я понятия не имею.

АК: А вот детей не приглашали, поскольку вы тоже ребенком были, вот детей не приглашали на праздники этот?

ФБ: Нет, нет. я говорю, что все делалось под секретом. Делалось в своей семье. Никто ничего не знал.

КВ: А для детей были вообще какие-то вот праздники, когда... детям что-то давали там или они во что-то игра...

ФБ: Да-да. Хонеке праздник, Хонеке. Вот во время Хонеке давали детям деньги. Там всякие подарки, угощение. Вот это...

АК: Это давал кто? Просто соседи там или кто, родственники...

ФБ: Ну (нрзб) свои, родня. Ходили.

АК: А много давали?

ФБ: Я не знаю. Мне не давал никто.

АК: Почему?

ФБ: Не знаю. Мне не давали.

КВ: Так ни разу и не (нрзб).

ФБ: Нет, нет, нет... мне никогда не давали.

КВ: У вас роди... вы жили в каком-то бедном районе у вас... или была семья не...

ФБ: Нет, мы жили не в бедном районе. Мы жили – считается центр...

КВ: В центре?

ФБ: В центре. У нас были бедные районы там, где была синагога одна, вторая... вот бедный там – Капсанивка называлась.

АК: Капсанивка? А почему она так называлась?

ФБ: Так ее называли – бедняки жили.

АК: Это от какого-то слова, да, наверное? Капса...

ФБ: Не знаю. Потом там называлась улица Шилгос... гос...

АК: Школьная?

ФБ: Нет. Шил... шил – это синагога...

АК: Синагога, да...

ФБ: (Нрзб) Шилгос. Там тоже очень много евреев жило.

АК: А как сейчас эта Шилгос называется?

ФЮ: Я не знаю.

АК: Это вот там, да, где-то в той стороне?

ФБ: Не, не, сюда. А окраины там...

КВ: А вот здесь, вот, где этот дом сейчас – это Капсанивка была?

ФБ: Это считается... Нет, это центр. Здесь центр.

АК: То есть Капсанивка не в центре?

ФБ: Не-не.

АК: А в центр евреи тоже жили? Да вот?

ФБ: Да, вот с той стороны жили. Особенно с той стороны были все домики евреев. Туда. Тут были парик... парикмахерские, тут портные жили. Вот весь... весь... вся улица там была еврейской. Маленькиедомики были.

КВ: А вы на этой улице жили?

ФБ: Нет, мы до войны жили в... как... Шевченко улица – это там немножко дальше. По Шевченко. С этой стороны, с этой стороны были студенческие общежития – одно, второе, третье. Потом была гостиница. Потом был хлебный магазин. Потом был... это с этой стороны. Потом была столовая студенческая. Вот. А уже потом ... в последние годы построили этот дом, потом шо... вот этот дом. Вот он занимает вообще полулицы. Этот дом (нрзб). Дом быта. Потом идет швэйная фабрика, с этой стороны. Гулянье в основном было на той стороне.

АК: А почему?

ФБ: Вот не знаю. Та сторона... Я... я ж говорю, что еврейский центр. Там было полно евреев. И там было... центральное... там... ходили там, каждое... каждый вечер там ходили гулять.

АК: Каждый вечер гуляли, да?

ФБ: Каждый вечер гуляли. У нас молодежи было очень много.

АК: А вот... а как эти гулянья происходили? Что там делали?

ФБ: Просто ходили на... люди, девочки ходили. Гуляли.

КВ: А там как-то вот молодые люди парочками ходили или там были...

ФБ: Ну как же, как же? Конечно ходили.

КВ: А какие-то компании, вот какие-то общие дела там, не знаю... может быть...

ФБ: Нет...

КВ: Игры какие-то?

ФБ: Нет, этого не было ничего.

АК: В карты не играли, например?

ФБ: В карты, может быть, дома играли.

АК: А вот пока гуляли, там на лавочке как (нрзб)...

ФБ: Нет, нет. Этого нет. Вообще до войны – это было (варварское?нрзб) время. Я знаю, что я была школьница. И за мной ухаживал парень. То я дол... если я с ним хотела пойти в кино, так он должен быть зайти раньше, а потом я. Чтобы нас вместе не видели. Да.

АК: А иначе бы что?

ФБ: А иначе бы говорили обо мне, что я себя плохо веду.

КВ: Ну, до войны – это вы еще маленькая же были. Ну что там – тринадцать...

ФБ: Почему я была маленькая...

КВ: Ну как? Тринадцать-четырнадцать лет. Это все-таки...

ФБ: Больше мне было, больше. Ну были ребята...

КВ: Вы с какого года?

ФБ: Я – двадцать шестого...

АК: Ну, четырнадцать лет до войны. Можно уже гулять (смеется), да.

ФБ: Сейчас в четырнадцать лет что делается? Нечего говорить (нрзб).

АК: А вот нам говорили, что раньше... а вот еврейские браки очень ранние могли быть.

ФБ: Нет, нет. Там нет (?) ранних браков, нет.

КВ: А в каком возрасте?

ФБ: Семнадцать, восемнадцать, двадцать.

КВ: Это девушкам?

ФБ: Это девушки. А парни – постарше. Парни молодыми не женились.

КВ: А парни с какого возраста?

ФБ: Не знаю, этого я не знаю. Но, во всяком случае, они такие молодые не женились.

АК: А вот по традиции вот когда мальчик и девочка становятся ну уже как бы взрослыми у евреев?

ФБ: Ну так что?

АК: А вот когда? Вот как здесь говорили, как здесь считалось? Вот был ребенок, а сейчас он уже не ребенок? Это сколько ему и ей лет должно быть?

ФБ: Он, во всяком случае, был постарше... девушки. Двадцать два, двадцать три года, двадцать четыре года. смотрели, чтоб у парня была специальность.

АК: Специальность?

ФБ: Да. Чтобы он не был, как говорят, пустым. Но зависело все от родителей. Что родители дадут, то будет.

КВ: А нам вот говорили, что бывало, что родители невесты сами как-то занимались этим, чтобы специальность дать.

ФБ: Да, правда, были такие. **Шотхулен**, которые искали женихов для девочек...

АК: Тхулен?

ФБ: **Шотхулен**.

АК: **Шотхулен**, да, **шотхулен**.

ФБ: Специальные люди, которые искали женихов для девочек.

КВ: А как вот? Им платили за это вот...

ФБ: А как же! Конечно.

КВ: Ну, то есть сначала платили, а потом они начинали заниматься...

ФБ: Не, не, не. Не платили... им платили потом, когда они какого-то хорошего привели.

КВ: А вот хороший – это какой?

АК: Да, что за хороший?

КВ: Красивый чтоб был? Или какой?

ФБ: И красивый был, и чтоб семья, семья была хорошая. Смотрели, какая семья. Если семья попроще, так когда девочка чересчур высокая, как говорят, то... и шло дело.

КВ: Высокая?

ФБ: Не в смысле высоты...

КВ: Семья...

ФБ: Семья была хорошая.

КВ: А вот если у него, скажем, семья вот подходящая, а специальность, например, нет? То это как? Хороший?

ФБ: Так это зависело от того, какая девочка. Если у девочки были условия, что они могли его содержать, как говорят, первое время, пока он немножко приспособится, так они женились. А так они не женились. (Нрзб).

КВ: Они женились, и родители вот девушки кормили их, пока он не получит специальность?

ФБ: Да, да. Да, да. А в доме все давали, чтобы поддержать.

КВ: А она тогда уже, ну он как бы получал специальность тогда вот, как отец невесты или любую... или отец невесты брал его к себе работать?

ФБ: Это если б он имел куда брать. А если он сам был ничто, этот отец. Если он был бы сапожником или портным, если он мог его научить, так он его брал. А так он должен был искать себе работу.

КС: А сапожники, портные тоже могли вот так вот взять себе...

ФБ: Могли...

КВ: Жениха...

ФБ: Могли взять, конечно.

АК: А вот говорили так, что вот этот жених, если он... вот перебирается в дом своей жены, да, что его, **оф кест** берут.

ФБ: Это называется **оф кест**.

АК: *Оф кест*, да?

ФБ: Это называется *оф кеше*, его питали, его... он... его одевали, ему давали кушать и это называется *оф кест*.

АК: Да? Так и говорили, да? А бывало, что наоборот – к нему переселялись жить?

ФБ: Нет. Нет. Этого... этого не было. Это уже у богачей. Если он влюбился в девочку, он мог взять ее к себе в дом. А если нет, то он шел в *оф кест*.

АК: А вот эти *шотхолом*, они какие-то особые люди были – вот они были пожилые или молодые?

ФБ: Пожилые...

АК: Пожилые, да?

ФБ: Пожилые. И уже после войны у нас тоже была одна женщина, которая этим занималась. Пожилая женщина, которая искала квартиры (?), искала женихов, искала невест. И водила (?) их. Да.

КВ: А разводами *шотхолом* занимались?

ФБ: Разводами? Разводами?

АК: А эти *шотхолом*, да, они местные были?

ФБ: Местные.

АК: А вот такое, что вот *ланд шотхолом*, то есть люди, которые знали там всю округу и не только один город, но там и села то есть они...

ФБ: Они приезжали. Но кто хотел их взять, чужие. Чужих... чужим не доверяли. Это же серьезное дело.

АК: А это женщины в основном были или мужчины тоже?

ФБ: Женщины, в основном женщины.

АК: Но были мужчины, да?

ФБ: У нас не было мужчин. У нас женщины.

АК: А вам не рассказывали, что раньше этим именно мужчины занимались?

ФБ: А нет, я всегда... (нрзб)... только в кино, в театре я могла это видеть. Читать в книге. А я не знала этого ничего.

КВ: А я вот знаю, что... я знаю, что еврейский театр тут вроде был, говорили.

ФБ: Был.

КВ: А... его (?) по-еврейски?

ФБ: Да, по-еврейски.

КВ: По-еврейски, да? Вы ходили?

ФБ: А как же! Обязательно.

КВ: Да?

ФБ: Да.

КВ: А в кино фильмы на еврейском показывали?

ФБ: Нет. В кино не было ни одного еврейского фильма.

КВ: А почему так?

ФБ: Не знаю. Не было ни одного еврейского фильма, еврейского не было.

КВ: А в театре что показывали?

ФБ: Я помню – пьесы показывали. Папа мой был когда-то молодым артистом. Папа и мама.

КВ: Да?

ФБ: В это... в селе. Они там... И никакой... я уже рассказывала мама, что вот там была труппа еврейских парней и девчонок. Они ехали в поселок и свои пьесы ставили на еврейском языке.

КА: И клуб такой как бы был там, труппа именно, да?

ФБ: Труппа, труппа, да. И они ездили...

КВ: А как они назывались по-еврейски?

ФБ: Я не помню.

АК: Шпилеры какие-нибудь, да?

ФБ: Не. Не знаю, не знаю.

КВ: Актеры просто?

ФБ: Актеры, еврейские актеры. Ездили в поселок.

АК: А название у их труппы было какое-нибудь?

ФБ: Этого я не знаю. Я не знаю, я не буду врать.

АК: А вот в этом театре еврейском какие пьесы играли, вы не помните?

ФБ: Не помню.

КВ: А вот я хотела еще спросить – вы сказали, что в Узбекистане вот у вас в семье по-еврейски говорили? Да?

ФБ: Да.

КВ: А когда вы сюда вернулись, вы продолжали... а в Харькове при этом по-русски, да, говорили, в семье?

ФБ: Да, да. По-русски.

КВ: В Харькове по-русски, в Узбекистане по-еврейски...

ФБ: Да...

КВ: А когда вы приехали после эвакуации сюда...

ФБ: (Нрзб) по-русски и по-еврейски...

АК: А, и по-еврейски тоже?

ФБ: Да.

КВ: А родители к вам обраща... между собой по-еврейски говорили, а с вами по-русски или...

ФБ: Они в основном говорили по-русски.

КВ: И между собой тоже?

ФБ: И между собой.

КВ: А дети вашего возраста? Ну, подростки...

АК: На улице...

ФБ: В основном по-русски...

АК: Тоже уже по-русски.

КВ: Это после войны? М... после войны уже не дети...

АК: Да...

КВ: (Нрзб)... А взро... если там взрослые люди, как обращались на улицах к молодежи?

ФБ: Как хотели...

КВ: А как они чаще хотели?
ФБ: По-русски.
КВ: Чаще по-русски?
ФБ: Да. Молодежь после войны стеснялась, если с ними говорили по-еврейски на улице.
АК: Почему стеснялась?
ФБ: Да так, стеснялась...
АК: Стеснялась чего?
ФБ: Еврейского языка.
КВ: Они плохо говорили по-еврейски, молодежь?
ФБ: Они не плохо... они почти не говорили, и многие не понимали ничего.
КВ: После войны уже?
ФБ: Да, да, да, да.
КВ: А почему?
ФБ: Почему? Потому что... вы... вы же знаете, какие... все что делалось с евреями...
КВ: Нет, мы не знаем...
АК: Ну мы знаем, конечно, но...
ФБ: Ну вот поэтому такое передалось и молодежи, тоже передалось. Первый раз вы (?) услышите еврейский язык, чтоб молодежь говорила – нет...
КВ: Ну да, но мы не думали. Все-таки там... еще были люди, которые там до войны его выучили. Они же не могли его забыть.
ФБ: А, нет, молодежь не говорила по-еврейски.
АК: А вот еще, скажем, до войны, когда говорили по-еврейски или в эвакуации, вот, скажем, если человек разговаривал с пожилым мужчиной. Допустим, его звали Соломон, этого пожилого, к нему можно было обратиться «рэб Шломе»? То есть рэб, рэбом его назвать?
ФБ: Это уже старики один другому говорили. А так...
КВ: Молодежь не говорила?
ФБ: Нет. Молодежь уже не говорила по-еврейски.
АК: Ну в принципе даже он там не раввин, а вот как бы уважительное обращение?
ФБ: Нет, нет. Нет. Так не говорили.
АК: А вот вы говорили, что вот, значит, дедушка был меламедом, да. А это как бы считалось вот хорошо? То есть это почетно было, что дед меламедом был?
ФБ: Да, это почетно. Меламед... слово меламед – это фактически учитель по-русски. Моя фамилия Меламуд. Фамилия Меламуд.
АК: Девичья, да?
ФБ: Девичья фамилия Меламуд. Уже дедушка был меламедом, так у нас, у нас... фамилия Меламуд.
АК: А у дедушки как бы не было до этого фамилии, да, вот своей собственной? И поэтому...

ФБ: Почему? Я знаю, что его звали меламедом. Но какая фамилия – я не знаю.

АК: И по профессии дедушки у вас пошли фамилия такая?

АК: И часто так было, что по профессии фам...

ФБ: Это я не знаю.

АК: А вот еще такое нам говорили слово «ихес»? Вот что это значит?

ФБ: Что это значит? Ихес. Как вам сказать просто? Не знаю, как объяснить. Ихес, ихес... Ихес – это значит, что... (пауза) не знаю... не знаю, я не знаю по-русски как это перевести.

АК: Ну объясните просто вот, как у вас...

ФБ: Вот я думаю, как объяснить. Я думаю, как объяснить...

АК: Вот скажем, у...

КВ: А может, вам по-еврейски проще объяснить?

АК: Да...

ФБ: Нет, нет. (Пауза).

АК: Ну, вот, скажем, у меламеда и у портного, у них разный ихес? Или...

ФБ: Разный. У меламеда считался выше.

АК: Угу...

ФБ: А портной – это низшая раса.

АК: А, низшая раса, да?

ФБ: Это низшая раса. Когда женились, то тоже смотрели, чтобы высший встречался с высшим. Вот, допустим, у меламеда... если дочка меламеда – не могла выйти замуж за портного. Это уже считалась низшая каста.

КВ: А если вдруг такое случилось, то что говорили, как говорили?

АК: Влюбились и...

ФБ: Ну так родители таки были против.

КВ: Да?

ФБ: Да.

КВ: А такие браки как-нибудь называли?

ФБ: Вот я вам приведу пример из моей семьи. Мама моя... у мамы отец был портной. А папа мой был сын меламеда. Так бабушка таки не хотела, чтобы он женился на маме. Там был скандал. Они влюбились и они не послушались. И приехали сюда, жили здесь, расписались.

КВ: По секрету?

ФБ: По секрету. Да. И то, она себе добавила год, (нрзб) чтоб их расписали. А бабушка шумела там в селе, чтоб ни в коем случае они не поженились.

КВ: А мамины родители в том же селе жили?

ФБ: Да, в том же селе жили. Так... отец у нее был портной... а это был сын меламеда, папа мой. То не хотели...

АК: А как потом?

ФБ: ...вот это ихес, вот это ихес называется... Тот – высшей расы, а это – низшей.

АК: То есть вы бы согласились с таким определением, что это происхождение как бы?

ФБ: Да, да. Да.
АК: Там более высокое или менее высокое.
ФБ: Да, да, да.
КВ: А если бы, если бы она была из семьи портного, но богатого портного?
ФБ: То, может быть, она бы не так шумела, эта бабушка, не шумела.
АК: (Смеется).
ФБ: Она ее ругала. Она встречала мою маму и ругала ее, чтобы она с ним не встречалась. Да.
АК: А когда уже все? Уже поженились?
ФБ: Все, ну все равно (?)...
АК: Ну она приняла вашу маму?
ФБ: Они первые годы уже между собой были на ножах (?).
КВ: А потом?
ФБ: А потом уже смирились, привыкли.
АК: Ну вот когда уже дети стали рождаться, то, наверное, уже...
ФБ: Все, все, уже все. Я была одна единственная...
АК: А, вы одна единственная дочка, да...
ФБ: Да, больше у меня никого не было и нет.
КВ: А бабушка сама из какой семьи была? Вот она была жена меламеда, да? Из какой они была семьи?
ФБ: Вот тоже была из богатой семьи.
КВ: Из богатой? Ученой?
ФБ: Да, да.
КВ: А у нее кто были родители?
ФБ: Я даже не знаю, кто у нее были родители. Но, во всяком случае они были богатые.
АК: А вот эти вот Горишки, да, вы называете?
ФБ: Горишковка...
АК: Горишковка. А это большое было село?
ФБ: Это было большое село, еврейское село в основном было.
АК: Еврейское...
ФБ: Там очень много евреев было.
КВ: А близко от Тульчина?
ФБ: Это идет... ну недалеко от Тульчина. Идет... э... до Машпы (Домашпа, Домашка?), идет сразу вот Внятка, вот что... Внятка, потом до Машпы, и там была Домашка, потом (?) уже Горишковка была.
КВ: А украинцы там жили?
ФБ: Много жили украинцы...
КВ: А кого больше было?
ФБ: Украинцев больше.
АК: А вот почему тогда вы говорите, что это еврейское село? Ну вот сколько там человек было...
ФБ: Там очень много было евреев...
АК: Ну вот приблизительно...

- ФБ: Не знаю. Я знаю, что там центр этого местечка – был еврейский.
КВ: Центр именно?
ФБ: Центр, именно центр – это было Горишковки – был еврейский.
КВ: А было такое, что... мне говорили, что местечко – называлось именно то место, где евреи жили, а... ну... часть, район...
ФБ: Нет, нет, нет...
КВ: Горишковка, Горишковка, Горишковка – это местечко?
ФБ: Да, Горишковка...
КВ: Местечко.
ФБ: Местечко. Там сейчас... по-моему, живет один еврей.
АК: Один (смеется).
ФБ: Один еврей. Все поуждали, поумидали.
АК: А местечко а(?)штетл называли, а?
ФБ: А?
АК: Штетл называли...
ФБ: Штетл.
АК: Но при этом в нем могли жить и украинцы...
ФБ: Конечно...
АК: А евреи в центре именно, да, в основном?
ФБ: В центре были евреи.
АК: А почему именно в центре.
ФБ: Я не знаю. Это (далее фраза нерзб)...
АК: А вот если какое-то местечко – то вот кто были первые жители, те, которые основывали то или другое местечко?
ФБ: Откуда же я знаю? Откуда мне это знать?
АК: Ну, может быть, рассказали или вы там...
КВ: А Тульчин, Тульчин – это уже **аштуд** называлось? Не штетл?
АК: Это центр, районный центр.
КВ: И как по-еврейски говорили?
ФБ: **Штуд**...
КВ: **Штуд**?
АК: А вот украинские и еврейские дома, они отличаются как-то?
ФБ: Отличаются.
АК: А чем?
ФБ: Раньше строили (нрзб). А евреи тоже – разные, разные постройки.
КВ: А в чем эта разница...
АК: Да, в чем эта разница...
ФБ: Не знаю, в чем...
АК: Ну сейчас вот квартиры все одинаковые, да? Это понятно...
ФБ: Это...
АК: Да это... именно вот такие настоящие украинские и настоящие еврейские дома?
ФБ: Это вы должны посмотреть сами, тогда будете знать. Я не могу рассказать.

АК: Ну вот если вы смотрите на дом, вот вы можете сказать – да, вот это еврейский или точно нет...

ФБ: Можно сказать...

АК: А вот какие там признаки, чтоб нам тоже было понятно?

ФБ: Там (нрзб) я вчера смотрела картину. И там показали эти... западные, западные селы. И там такого типа городского все дома. Именно городского типа. Квартиры... Дома там нет... не многоэтажные. Одноэтажные. Но видно, что это городского типа дома. И дороги, и сады – все это городского типа. А приезжайте сюда у нас на Украине – тоже другие дома. Несравнимы с теми.

АК: Это американские показывали дома вот?

ФБ: Нет, нет, нет, нет..

КВ: На Западной Украине?

ФБ: Западная Украина...

АК: А, Западная Украина...

ФБ: На Западной Украине.

КВ: А скажите, пожалуйста, вот вы когда дили с родителями, у вас в доме только вы жили или еще семьи? Одна семья?

ФБ: Одна семья. В нашей квартире одна семья. У нас было две комнаты и кухня.

АК: Маленькая, да?

КВ: Вы в отдельном доме жили, да?

ФБ: Это было один дом. Но там живет три соседа. Мы жили. И еще один фельдшер жил. И еще один, учитель, жил... жила.

КВ: А это вот длинный был дом, так вот по порядку или каждая семья выходила на улицу как бы окнами...

ФБ: Да, каждая семья выходила на улицу...

АК: То есть дом был как бы перегороден на несколько...

ФБ: Конечно.

АК: А он был бы длинные так вот...

ФБ: Он был не длинные не недлинный, средний. Вот так вот.

КВ: А окна выходили на улицу у всех или у кого...

ФБ: Во двор, во двор. У нас окна на ту сторону, у тех – в другую сторону...

АК: А вот забор близко к дому... или вот дом близко к забору стоял? Или какой-нибудь палисадничек еще был?

ФБ: Ну, кусочек огорода перед домом.

АК: Перед домом, да?

ФБ: Перед домом. Сзади дома были огороды.

КВ: М... то есть было, было место свободное... нам говорили, что дома очень-очень тесно ставились вот...

ФБ: Нет-нет-нет-нет. Это здесь вот, здесь, в Тульчине. Вот в центре было – один дом возле другого. Потому что евреи не имели ни сада, ничего не имели. Понимаете? А в селах уже другое дело.

АК: Ну нам просто рассказывали, что в любом случае, даже в селах, еврейские дома очень близко к улице стояли.

ФБ:: Да, да, да.

АК: Да? А почему это так было? Зачем?

ФБ: Потому что евреи не занимались сельских хозяйством. У них этого ничего не было. Евреи в основном торговали. И каждый имел какой-то **гешефт**. Понимаете? А в селе каждый думал то, чтоб иметь себе побольше огорода. Посадить. Иметь и яблони, и груши, и все это иметь. А евреи этого не де... не имели.

АК: Даже яблони и груши? Не... садили...

ФБ: Нет, нет. У них никогда не было территории, чтобы они этим занимались.

КВ: А в огороде – вот у вас, вы говорите, был огород – вы там что-нибудь сажали?

ФБ: Конечно.

КВ: А что?

ФБ: Что? Картошка была, фасоль была, огурчики.

АК: Ну, так значит, все-таки занимались?

ФБ: Потому что у нас был кусочек огорода. У нас был такой домик, что перед нами... перед... окнами у нас был кусок огорода.

КВ: А в огороде кто в основном работал?

ФБ: Мама и папа. Шо я... а я не... не... не (нрзб) ни разу.

АК: Вас не заставляли там помогать?

ФБ: (Нрзб) одно... одно-единственное, что меня заставили.

КВ: А вы в детстве вот что любили больше делать? Читать там или с детьми...

ФБ: Я любила собак и кошек.

КВ: Собак и кошек?

ФБ: Да. Я (нрзб) стала медиком. Я сорок два года работала медиком...

АК, КВ: Ветеринаром?

ФБ: Нет.

АК: А, просто.

ФБ: Да.

КВ: А в детстве с собаками и кошками играли?

ФБ: Очень, очень. Так я была... за ними шла... и до сих пор люблю очень кошек.

КВ: А собак теперь?

ФБ: Собак нет где поместить – одна комната. (Смеется).

(Перерыв в записи)

АК: А вот какую еду готовили кроме пасхи вот в доме у вас... ну на праздники, например, на какие-нибудь была особая какая-то еда.

ФБ: Ну вы знаете, до войны... сейчас уже кушают все всё. А до войны в основном что-то... бульон, на субботу обязательно должен быть бульон.

АК: На субботу, да?

ФБ: В субботу обязательно.

АК: Это Йух называлось?
ФБ: Йух.
АК: Йух, ага...
ФБ: Йух в субботу с (нрзб - фасолями?) этот юх обязательно, гречневая каша...
АК: Гречневая каша...
ФБ: Это уже был праздничный обед. Потом цимес фасолес...
АК: Цимес фасолес?
ФБ: Да. Из фасоли, из рябой фасоли делали цимес. Ну и эту фасолю с сахаром, чтоб сладкое такое было, вкусно было.
КВ: А с морковкой – мне говорили еще – он должен быть.
ФБ: Нет. Не знаю, мне морко... не...
АК: Морковку в молоке так вот не тушили?
ФБ: Нет-нет-нет. Этого не было. Этого я не...
АК: Цимес фасолес – красивое название.
ФБ: Фасолес... да, цимес.
АК: А вы... а вот еще рыба – нам говорили – есть вот гефилте фиш и есть геапте фиш.
ФБ: Геапте и гефилте – это одно и то же.
АК: Совсем-совсем одно...
ФБ: Это называется фаршированная рыба.
АК: А геапте – это вроде котлеты такие, да?
ФБ: Да. А фаршированная – это то же самое. Теперь ее не делают геапте, теперь крутят через мясорубку. А до войны ее рубали...
АК: Руба... рубили.
КВ: А вот вы сказали, что на субботу обязательно варили вот бульон, делали...
ФБ: Даже самые бедные на субботу должны были обязательно сделать (нрзб) бульон.
КВ: А что еще обязательно было делать на субботу?
ФБ: В субботу делали вот бульон, бабку мама сделает...
АК: Из мацы, да?
ФБ: Из мацы необязательно. Можно было из лапши... мацы – не всегда была, маца была только на праздник.
АК: А вино пили на субботу?
ФБ: Пили.
АК: Все да?
КВ: Вино тоже обязательно должно было быть?
ФБ: Это не обязательно. Это уже кто имел, тот... пили на субботу... относили в синагогу носили вино. Носили пряники. Особенно те, у которых умирали родственники, так каждую субботу делали как поминки, понимаете?
АК: Каждую-каждую?
ФБ: Ну не каждую. Там в определенный день. Носили туда вино.
АК: И кто это вино выпивал и пряники съедал?
ФБ: Те, которые пришли молиться.

АК: То есть всем раздавалось потом после молитвы
ФБ: Да. Да, да, да.
КВ: А в течение какого времени (нрзб), вы не знаете?
ФБ: Ну... подождите... вот умирал человек. Так заказывали...
допустим... заказали старику, чтобы он делал поминки.
АК: Старику?
ФБ: Старику. Допустим, человек, который ходит в синагогу.
АК: А, угу...
КВ: То есть знающий, да, как бы?
ФБ: Да. И вот ему, значит, заказали, чтобы он делал поминки этому, кто
же умер. Так по... ходил туда и молился после... в течение полугода или года
должен был молиться за того, который умер. Или вот у меня, допустим,
допустим, десятого числа... я знаю, что у меня мама умерла десятого числа.
Я заказала, чтоб десятого делали поминки.(Нрзб). Десятое – дать ему
бутылочку вина и яблоки (?) передать, чтоб там помолились, выпили за маму.
АК: Это каждый месяц десятого или...
ФБ: Нет, не каждый месяц. Но, может быть, каждый год.
КВ: Каждый год вы должны вести вот туда вот...
ФБ: Это очень важно (?). Когда я хочу, я это делаю. Кто хочет, тот это
делает.
КВ: А сейчас вот вы так делаете?
ФБ: Нет, не делаю. Сейчас вот каждый год... я знаю, что вот, допустим,
десятого мама умерла, так я десятого зажигаю лампочку... раньше зажигали
свечку – она должна была сутки гореть, эта свечка. А теперь я зажигаю
лампочку, и она у меня сутки горит. Я ее выброшу (?). Это как поминки по
маме.
АК: Это ровно в тот день и в тот месяц...
ФБ: По моей маме, по моей маме...
АК: А как ее звали?
ФБ: Лиза. И рядом папа... (показывает фотографии)
АК: А вы на них похожи.
ФБ: Да, на маму похожа, да.
АК: А это не называлось вот йорцайт?
ФБ: Йорцайт.
АК: Вот так и называлось, да? И это именно вот в тот день того месяца...
ФБ: Да, да, да...
АК: Но это делали не только вот спустя первый год, да, но и в каждый...
ФБ: Нет, в течение... каждого года это делается.
КВ: А вот когда вы носили вот вино и пряники, то вы кому их отдавали?
ФБ: Кому носи... который там молился. Кому-нибудь...
КВ: Кому... в синагоге?
ФБ: Да. Но теперь у нас синагоги нету.
КВ: А вот до каких годов она была?
ФБ: Я не знаю. Но ее сейчас нету, синагоги.
КВ: А после войны была еще?

ФБ: Да, после войны была. А потом уже не стало синагоги. То на Пейсах надо было встречать этот праздник. Так нанимали тут какой-то дом. Основанной (?) дом, где делалась маца в этом доме. И туда приходили старики и старухи. Те, которые верили, приходили туда и сидели там целый день и молились. Вот так, до вечера, пока звездочка не покажется. Тогда можно идти уже кушать. Это когда... Есть же день у нас – Йем кипер называется, когда не кушают целый день. Так в этот день приходили туда в синагогу, и там молились, целый день до вечера сидели, молились. Плакали. А к вечеру, уже когда показалась первая звезда, приходили домой – уже можно было кушать. А так целый день кушать – не кушали.

КВ: А сейчас так не делают?

ФБ: Почему? Сейчас тоже делают.

АК: А вот что это за праздник – Йом Кипер?
(Конец стороны В)

(Сторона А).

ФБ: На дальшую жизнь, на дальшую хорошую жизнь.

АК: Просишь Бога на дальшую хорошую жизнь, да?

ФБ: Да, да, да, да. Чтоб следующий год у тебя был хороший.

КВ: А вот как вы говорите – *аф идиши*...

ФБ: *Аф идиши* – называется Йем кипер.

АК: *Безойтен аф идиши* – на дальнюю хорошую жизнь вот как это вы говорили тогда?

ФБ: Это просится – я не умею молиться. Но кто молится, он просит молитвы, чтобы ему дать хорошую жизнь.

КВ: А молитву он на каком языке говорит?

ФБ: На еврейском, на иврите.

АК: А, на иврите.

КВ: Не на идише?

ФБ: Нет. Это на иврите.

КВ: А вообще можно молитву на идише говорить?

ФБ: Можно. Кто умеет, можно говорить.

КВ: А вы никогда не молитесь...

ФБ: Нет. Я... я не молюсь.

АК: А вот этот человек, вот который... которому поминание заказывали, да, вот знающий такой – а если вот в семье, вот, допустим, отец сам мог это делать или кто-то должен...

ФБ: Так он сам это делал.

АК: Угу. То есть не обязательно было этого человека нанимать?

ФБ: Нет, не обязательно. Он сам шел в этот день поминальный и там делал... поминал.

АК: Но на всякий случай были вот и такие люди? То есть можно было, да...

ФБ: Да. У нас, когда умирает человек – сейчас же нет синагоги-то... раньше... по-моему сейчас никого нету. Так идут на кладбище и там читают молитву за то, что умер. А теперь, по-моему, нету такого.

АК: А, то есть это тоже занимали такого человека, да?

ФБ: Да, да. Специально у нас были такие, которые ходили на кладбище и пели. Поминальную молитву там пели. Ну, теперь, по-моему, этого нету.

КВ: Это вот в йорцайт они ходили?

ФБ: Нет, не в йорцайт. А когда в йорцайт именно... когда человек умер. И идут на кладбище, особенно пожилые люди. Приходят на кладбище и поют молитву возле могилы. Это не обязательно йорцайт. Йорцайт – это отмечается, когда дома делаешь этот йорцайт. Зажигает, зажигается... свечку.

КВ: А на кладбище в любой день можно пойти?

ФБ: Кроме субботы.

АК: В субботу не...

ФБ: В субботу не ходят, в субботу не хоронят.

АК: А были дни, когда нужно было ходить на кладбище?

ФБ: Все дни... до... до Пейсаха надо ходить на кладбище.

КВ: Каждый день?

ФБ: Да. Кроме субботы.

КВ: А вот на могиле что, что говорят?

АК: Вот приходят помянуть там, да, своего родственника, что, говорят что-нибудь? Да...

ФБ: Ничего никто, никто не говорит. Чего... Все стоят и плачут. И все.

КВ: Не говорят ничего?

ФБ: А?

КВ: Не говорят ничего?

ФБ: Не. Если человек где-то работал, и все, так он виден был. А если человек такой простой, приходят родичи все, поплачу, хоронят, и все.

КВ: А нет, нет. Не когда хоронят, а когда вот уже потом приходят?

ФБ: Просто приходят, ничего не говорят. Кто приходит – поплачет, а кто так постоит. Я, прихожу на кладбище, я не могу плакать.

КВ: Вы стоите просто?

ФБ: Не могу плакать. Я могу так дома поплакать. Я же вспоминаю (?). А так я прихожу на кладбище, постою возле могилы, и все, и ухожу.

КВ: И вы не... не приносите ничего?

ФБ: Нет. Цветы можно принести.

АК: Цветы?

ФБ: Да.

АК: А раньше тоже цветы носили?

ФБ: Носили. Носили цветы. А так – больше ничего. Ни... не так, как на русское кладбище приносят угощение на... на могилу...

АК: Такого не было.

ФБ: Нет, у нас этого нет.

КВ: Свечки там не зажигают?

ФБ: Нет. Свечки, по-моему, да, зажигают. Но у нас – нет.
АК: А камушки приносят на могилу?
ФБ: Нет, тоже нет.
ФБ: После похорон на второй день приходят родственники к кладбищу.
Не заходят в кладбище...
АК: Не заходят?
ФБ: Нет. А через забор кладбища бросают камень.
КВ: А зачем?
ФБ: Вот так. Так принято. Чтоб показать, что ты был. А к могиле подходить нельзя.
КВ: Это только на второй день после похорон?
ФБ: Да.
КВ: А (?) вообще во время похорон родственники идут на кладбище?
ФБ: Да, обязательно.
КВ: Сами несут или...
ФБ: Сами, сами несут, да.
АК: Родственники (нрзб)...
ФБ: Совсем близкие не несут – нельзя.
КВ: А совсем близкие – это какие?
ФБ: Ну сын, дочка. Я знаю, шо... отец, они не имеют права.
КВ: А братья и сестры?
ФБ: все близкие – нет.
КВ: А двоюродные братья?
ФБ: Могут, могут.
АК: А вот... то есть они не могут подходить к могиле, да, вот когда они на второй день... то есть они издали бросают...
ФБ: Да, издали бросают.
АК: И нужно вот попасть туда, где могила... или просто...
ФБ: Нет. Не на... могила может быть где-то далеко. Просто на кладбище бросают камни...
АК: Просто перебрасывают. А через сколько времени уже можно собственно на могилу прийти?
ФБ: Через пару дней можно идти...
КВ: Уже можно...
АК: Уже можно, да?
ФБ: Да.
КВ: А вот про во... про воду нам еще говорили – надо там...
АК: Вот там не наливали как-то стакан воды, когда человек умирал.
ФБ: Я не знаю. Это я слыхала, но я знаю, не скажу...
КВ: А вы от кого слышали?
ФБ: От людей. Я видела, как делают поминки. Когда вот летчик погиб. Приходят ребята в столовую. Они ставят стакан, кусок хлеба. Поминают этого летчика.
КВ: Это еврейские были разве...

ФБ: Это не еврейские... вот так. Теперь во время праздника какого-то еврейского ну открывают двери, чтоб зашел, зашел кто-то в квартиру. Для родственника открывают, чтоб кто-то зашел. Но на каком это празднике – я не знаю.

АК: А, это чтобы умерший родственник зашел?

ФБ: Да.

КВ: А ему говорят что-то?

АК: Приглашают?

ФБ: Ничего никто не приглашает. Ставят... дверь открывают, чтобы он зашел.

АК: А ему ставят приборы там или стаканы?

ФБ: Нет, нет.

КВ: Это во время трапезы? А как определяют, что он уже зашел, что можно закрыть...

ФБ: Этого никто не знает, это так...

АК: А зачем он приходит, умерший?

ФБ: Так принято. Его приглашают, чтобы он зашел.

АК: А вот не бывало так, что умершие начинали сниться живым?

Приходить вот то есть...

ФБ: У меня мама снилась бесконечно. Первые годы она мне снилась – у меня было такое впечатление, что она живет. Я ночью просыпалась и смотрела на постель – она не лежит (?)...

АК: А это что-нибудь значит? Что мертвые...

ФБ: Нет, ничего не значит. Просто много она думает о тебе.

АК: Она думает...

ФБ: Если она снится, значит, она думает о тебе. Наверное, хочет принести хорошее. Так объясняют.

АК: А умершие всегда помогают вот живым родственникам, или может быть что-то другое?

ФБ: Это я не знаю.

АК: А вот еще о похоронах нам говорили, что... у евреев принято как-то очень быстро хоронить.

ФБ: Раньше даже бегом бежали на... на кладбище, бегом.

КВ: Почему?

АК: Зачем?

ФБ: И мужчины хоронили. Между прочим, в Узбекистане то же самое – на кладбище идут только мужчины. Ложат его на носилки. Нет гроба. На носилках.

АК: Без гроба.

ФБ: Без гроба. И бегом бегут на кладбище. Теперь уже делают гроб. Уже с (нрзб) музыкой. А до войны этого не было. До войны тоже было тогда: такой богатый человек – его тоже хоронили в гробу и все такое. А если бедный – на носилках и бегом на кладбище.

АК: То есть гроб могли себе как бы только позволить богатые? В этом смысле?

ФБ: Нет. Так было принято по религии. Этого до... с... бедного должны были хоронить в *тахрихер*...

АК: *Тахрихер*.

ФБ: Белые такие... саван шили и это... кутали его в белое. Все укрыто, полностью укрыто.

АК: И лица не видно?

ФБ: Ничего не видно. Между прочим, сейчас тоже, когда умирает старый человек, так его сразу ложат на пол. Он должен полежать на полу. А потом его уже ложат на... на постель. То тоже он должен быть укрытый. И приходит человек – его нельзя открывать. Чтоб он лежал закрытый.

АК: А зачем на пол кладут сначала?

ФБ: Вот так принято.

КВ: А, так по религии положено, чтобы бедного хоронили вот на носилках, а богатого в гробу?

ФБ: Но это было раньше.

КВ: Раньше...

АК: Да, да, да.

ФБ: Да, это было раньше. А теперь уже...

КВ: То есть это не потому, что гроб дорогой там...

ФБ: Не-не-не-не. Это уже так принято было.

АК: А как определяли – кто бедный, кто богатый? А если он так по середине где-то?

ФБ: Шо, я не знаю, кто бедный, кто богатый?

АК: Но а по серединке где-то он так... вроде не очень...

ФБ: Кто мог, имел возможность, тот брал гроб и хоронил. А кто не мог – закрутили его в простынь или сшили в лучшем случае, и все.

КВ: А вот носилки эти кто-то делал специально для...

ФБ: Специально у каждой синагоги были эти носилки.

КВ: Для них для всех в общем использовались?

ФБ: Да.

АК: Ага... понятно. А их несли на плечах или вот так на руках?

ФБ: На плечах, на плечах. И бегом, буквально бегом. Я уже в Средней Азии видела, что бежали эти мужчины, что на себе этот, труп...

КВ: А почему? А если медленно пойдут?

ФБ: Этого нельзя.

КВ: А что будет?

ФБ: Обязательно быстро на тот свет справить...

КВ: А если медленно пойти, то что будет?

ФБ: А я не (?) знаю, что будет... ничего...

КВ: А что говорили?

АК: Как вы сказали – быстро на тот свет справить?

ФБ: Да, да, да, да. И узбеки не ложили этого... труп, а так копали эти могилы, что его садили. Он сидел.

АК: Узбеки.

ФБ: Да.

КВ: А евреи как делали?
ФБ: А евреи ложили.
КВ: Всегда, да?
ФБ: Всегда ложили. И обязательно перекрывали пару досок, чтоб земля сразу не попала на... на труп.
АК: А, сверху закрывали, да?
ФБ: Да.
КВ: А нам еще говорили вот, не просто так вот евреи могилу рыли, не просто, а вот еще такм какие-то выемки должны были...
ФБ: Вот это вот нишу, чтоб в нишу вставить эту... этот труп.
АК: Вставить...
КВ: Головой в нишу или как?
ФБ: Головой туда в нишу всунуть.
АК: А, то есть как бы просто копалась прямоугольная яма, да, и плюс еще для головы ямка такая?
ФБ: Да-да-да-да.
АК: А зачем вставляя ее туда?
ФБ: Не знаю.
АК: А головой в какую-то определенную сторону?
ФБ: Этого я не слышала. Вот это я не знаю. Я не знаю.
КВ: А кто вот быстрее бежал, евреи или узбеки?
ФБ: (Смеется) Я видела узбеков. Я видела узбеков. А что я (нрзб)...
АК: Узбеки-то не бегом, узбеки просто сидя хоронили... правильно?
КВ: Не, я так поняла, что узбеки тоже бегом.
АК: А, узбеки тоже бегом?
ФБ: Бегом. Я же говорю, что на тот свет обязательно бегом надо было отправить.
КВ: И у евреев?
ФБ: Только мужчины. Женщины не шли на кладбище.
АК: Даже близкие родственницы?
ФБ: Нет, никто на кладбище не шел.
КВ: Это у евреев или у узбеков?
ФБ: У узбеков. У евреев тоже раньше ходили только мужчины. Теперь уже идут все подряд, и музыка играет.
КВ: А если женщину хоронили? То все равно?
АК: Женщины шли за женским вот...
ФБ: Не знаю. Я знаю, что сейчас идут на кладбище когда-то.
АК: А вот вы говорите – музыку играют. Это раньше, до войны?
ФБ: Это сейчас играют. Почему... До войны уже тоже играли музыку.
КВ: А вот еще говорили, что мимо церкви нельзя проносить (нрзб)...
ФБ: Да, да, да, да.
АК: А почему?
ФБ: Не знаю.
КВ: А надо обходить как-то?
ФБ: Обхо... другой улицей идти. Эта улица не единая (?) – церковь.

АК: А если в каком-нибудь местечке церковей понатыкано на каждой улице, то как?

ФБ: Откуда я знаю? Я знаю так, как и вы.

АК: Нет, вы лучше знаете.

ФБ: Нет, я этого не знаю.

АК: А если вдруг в церкви начинали в колокол бить – это вот хорошо или плохо, или никак было для еврейской похоронной процессии?

ФБ: Это не играет роли.

АК: Не играет, да?

ФБ: Нет.

КВ: А вот уже после того, как синагогу закрыли, и когда когда не стало раввинов и вот всякого такого, было такое, что советоваться шли к священнику?

ФБ: Нет.

КВ: К попу...

ФБ: Не знаю.

КВ: Не слышали такого?

АК: А украинцы, наоборот, не приходили в синагогу к рэбе что-нибудь спрашивать?

ФБ: Нет, нет...

КВ: А вот к знающим людям, которые вот оставались там, когда синагогу закрыли, к ним обращались там вот за какими-то советами там?

ФБ: К старикам обращались. К старикам обращались.

КВ: А не говорили **пигемипигель** на кого-нибудь вот из таких людей?

ФБ: (Усмехается) Чтобы мне это знать. Это просто... в простонародье так говорят.

КВ: Да, в простонародье?

ФБ: Да, да, да, да.

КВ: А что вот это значит?

ФБ: Не знаю, как перевести.

КВ: Ну в каком, например, случае, в какой ситуации так говорят (?) (нрзб)...

ФБ: В каком случае?

КВ: Да.

ФБ: (Пауза). Не знаю.

КВ: Ну вот если что человек сделал? Именно что?

ФБ: Он придуривается, что он делает какую-то дурость.

КВ: Дурость?

ФБ: Да.

КВ: Но это про любого могут сказать.

ФБ: да, да, да, да.

КВ: А про женщину можно так сказать?

ФБ: Можно.

КВ: Можно и про женщину?

ФБ: Можно, да. Там какие-то штучки, бывает, сказала, не то, что нужно.

КВ: Не к месту что ли?
ФБ: Да, не к месту что-то высказалась.
АК: А вот этих уважаемых людей, к которым за советом обращались, их называли **агитерит**? Вот...
ФБ: Да.
АК: Так, да?
ФБ: Да, да, да, да.
АК: А они могли быть молодыми или это обязательно старые?
ФБ: Нет. Это в основном старики. У нас молодые нету **гитер**.
АК: Молодых нету **гитер**?
ФБ: Нет, нет.
АК: А вот мы были тут на кладбище тут вот на еврейском, а почему вот оно так на горушке стоит?
ФБ: Не знаю. Так вот сделали это кладбище. Так оно и стоит там. Теперь сделали новое кладбище – оно не на горе. Где нашли место, там и сделали.
АК: А вот раньше было принято вот так вот на горушках их ставить?
ФБ: Нет.
АК: Нет, да? Просто здесь такой рельеф и так здесь...
ФБ: Нашли место и поставили там кладбище.
АК: Угу...
КВ: А я вот еще хотел спросить – вот после войны вы помните чтобы люди там писали по-еврейск... по-еврейски и читали по-еврейски? Чтобы были книги у кого-то на идиш?
ФБ: Писали, писали. И еврейские писатели есть...
КВ: А здесь вот в Тульчине?
ФБ: В Тульчине у нас нету такого еврейского писателя, как (нрзб)... вообще-то... пьесы ставились еврейские.
КВ: Это до войны еще?
ФБ: После...
КВ: После войны?
ФБ: Да. «...**молочника**» вы не смотрели?
КВ: Читали...
АК: Читали.
ФБ: Вот посмотрели бы как играет этот... в Киеве. Этот... артист. Как он... называется – пьеса-то? Как же он называется?
КВ: А это вы когда видели?
ФБ: Ну недавно-то по... по телевизору (нрзб)...
АК: А...
ФБ: Как он играет чудесно. Вообще, когда еврейскую музыку передают, то я сажу и плачу...
КВ: А вы, наверно, еще слышали, как клезмеры здесь играли, да?
ФБ: Да, да, да, да, да.
КВ: Вот. А вы кому... кого из клезмеров вы слышали. Вот нам говорили, **Швел** (?) был тут.
ФБ: Был такой.

КВ: На чем играл он?
ФБ: Он играл на трубе.
КВ: Ага. А с ним кто еще играл?
ФБ: Много играло, не знаю.
АК: А большая было вот эта группа, клезмерская?
ФБ: Нет, человек пять-шесть.
АК: Пять-шесть, да? Вот был, значит... на фле... на чем он играл?
ФБ: На трубе...
АК: На трубе. А еще на чем играли?
ФБ: Труба, барабан там был...
АК: Барабан был?
ФБ: Обязательно барабан был. На скрипке.
АК: Скрипка тоже была, да?
КВ: На скрипке один человек?
ФБ: Я не помню, я не помню.
КВ: А они играли – не помните – на всех праздниках?
ФБ: Не, не на всех.
КВ: А на каких?
ФБ: Когда их приглашали. На свадьбах они играли. В основном на свадьбах. В основном. А так больше – нет.
КВ: А сейчас вот передают – вы слышите вот те мелодии, которые они играли?
ФБ: Конечно, слышу.
КВ: Да? А это какие мелодии (?)?
ФБ: Я слышу. Я слышала эту мелодию, я вечно плакала (?). Я слышать еврейскую музыку... я не могу спокойно ее слушать.
КВ: То есть все те мелодии, вот которые они играли, вот сейчас... сейчас можно...
ФБ: Да. Да, да, да, да.
АК: А на свадьбе вы были когда-нибудь на еврейской?
ФБ: (Ни ?) один раз, много раз была.
АК: Ну вот такой еще, ну довоенной, скажем.
ФБ: Довоенной свадьбы... я не помню, я не помню довоенную свадьбу. Но свадьбы всегда одинаковые.
АК: А вот эти клезмеры, они вот как бы стояли и играли для каждого проходящего?
ФБ: Да, да, обязательно. Каждого поздравляли, каждому платили...
АК: Люди сами платили?
ФБ: Да. Когда что... то, что хозяин платил – это одно, а то, что люди проходящие платили – это обязательно. Но приходили свои (?)... придет человек, два-три человека придут, и музыка их встречает, поздравляет их. Они плотят деньги.
АК: Гостей поздравляют?
ФБ: Да, да, да, да. Да.

АК: А это была какая-то установленная такса, сколько каждый платит или кто сколько может?

ФБ: Нет, каждый что хотел.

КВ: А если мало им дать, они могли вот как-нибудь отомстить.

ФБ: Нет, они ничего не отомстили, не... а сыграли этот марш и (нрзб) кто дал больше, кто дал меньше.

КВ: А вот мне еще говорили, что они могли вдруг посреди свадьбы перестать играть, то есть (?) и потребовать денег еще.

ФБ: Нет. Нет.

КВ: Ничего такого не было?

ФБ: Нет, этого не было. Это неправда.

КВ: А дети играли с ними?

ФБ: Нет.

КВ: Никогда не видели такого?

ФБ: Нет.

КВ: А пели дети?

ФБ: Нет, нет. Только если так кто-то хотел из детей петь, пел. Но специально с ними – нет.

КВ: А из клезмеров кто-то пел?

ФБ: Нет.

КВ: Нет...

АК: Только играли, да?

ФБ: Гости могли придти петь.

КВ: А они сами нет?

ФБ: Нет. Это джаз если приезжал, тогда мог кто-то из джаза петь. А эти клезмеры были... не пели.

АК: А пищу готовили какие-то специальные люди?

ФБ: Да. Да-да.

АК: Их тоже нанимали, да?

ФБ: Нанимали.

АК: А как они назывались?

ФБ: *Савери*...

АК: *Сабвер*?

ФБ: *Саб-ве-ри*.

АК: Ага. И что вот в их обязанности входило?

ФБ: Ну что? Они варили все. Они пекли все. Готовили *макес*. *Макес* готовили. *Макес* – это белые торты для родственников жениха и невесты.

АК: Ага, то есть их несколько было этих *макес*?

ФБ: Да. И преподносили этому гостю... преподносили этим гостям. Под... под джаз, под музыку преподносили каждому гостю...

АК: Такой хлеб-соль как бы своеобразный, да?

ФБ: Да. Да, да, да.

КВ: А всем родственникам или ближайшим?

ФБ: Ближайшим.

КВ: То есть двоюродным не подносили?

ФБ: Не, не. Ближайшим. Тети, дяди, сестра, брат.
КВ: А дедушкам, бабушкам?
ФБ: Тоже препо...
КВ: Тоже...
АК: И вот они получали этот **макес** и что они с ним дальше делали?
ФБ: Ничего. Брали домой и ели.
АК: А. То есть не здесь всем раздавали...
ФБ: Не-не-не-не.
АК: ...а домой забирали?
ФБ: А здесь за столом давали всем угощение.
КВ: А **макес** какого размера был? Покажите...
ФБ: Не-не-не-не... маленькие, маленькие...
КВ: Такие?
ФБ: Да...
КВ: Такие вот...
ФБ: Да.
АК: А они чем-то украшены там сверху?
ФБ: А как же?
КВ: Ой, а мне еще говорили, что еще писали на тортах. Вот на...
ФБ: Это так кто хотел, тот писал.
КВ: А вы видели, что написано было?
КВ: А по-русски или по-еврейски?
ФБ: Нет, по-русски.
АК: По-русски?
ФБ: По-русски писали.
КВ: Это когда было, примерно, когда – после войны уже?
ФБ: После войны, после.
КВ: А я вот еще хотела спросить – вот после войны было много людей, которые умели читать и писать. Было такое, чтобы они своих детей учили или просто кого-то из детей там, кто интересовался...
АК: По-еврейски...
КВ: По-еврейски.
ФБ: Мало, кто ходил в еврейскую школу. У нас после войны здесь еврейской школы не было, здесь. Так что я... за это ручаться... до войны была. А после войны здесь не было.
КВ: А вот люди, ну которые все-таки отучились там... не было, вы не слышали такого, чтобы кто-то из детей учил... учился у них просто дома?
ФБ: Нет, нет. Здесь – не было.
КВ: А книги вот сохранялись, наверное, ведь много было еврейских писателей, да, много книг выходило? У кого-то были дома книги на идише?
ФБ: Были.
КВ: Их читали?
ФБ: А как же? Те, что умели читать, читали. Журналы были еврейские...
КВ: Выписывали...
ФБ: Да.

КВ: А это до каких годов примерно выписывали?

ФБ: Не знаю. Я этим не занималась. Я не знаю.

АК: А вот община здесь, она давно образовалась? В Падосском (?)...

ФБ: Она образовалась... уже... лет десять-двенадцать.

АК: А вы ходите туда?

ФБ: Я уже никуда не хожу. Я уже десять лет не выхожу из дому.

КВ: А они приходят к вам?

ФБ: У меня ходит две няньки.

КВ: И... откуда?

ФБ: Одна из общины, одна из красного креста. Ходят на базар, покупают мне продукты. Стирают кое-что. Большое я отдаю в прачечную. Убирают.купают меня.

КВ: А вот из общины вам приносят подарки там...

ФБ: Посылки нам дают. Посылки. Тем, которые в лагере, каждый месяц дают посылку. А кто не был в лагере, тем дают поляки, свои посылки дают.

КВ: Поляки? А тем, кто был, кто дает?

ФБ: Виннице, Штит (Шчит?).

АК: Это немецкий, да, или американский?

ФБ: Это – я не знаю – какие. Наверное, это не американские. Это из Киева идет. Эти посылки. Позавчера она принесла посылку. Правда, я не получаю уже (нрзб). Она унесла другой женщине. Так она принесла посылку: так там бутылка масла подсолнечного, два килограмма муки, килограмм сахару, килограмм гречки, изюм, сгущенку, шпроты. Это вот на посылке. Но это один раз в месц дается. Нам дают питание один раз в день. Кроме субботы и воскресенья. Что еще? Мы получаем от поляков посылки – стиральный порошок, моющие средства, кисель, сахар, чай.

АК: А почему от поляков? От ев... еврейской общины в Польше или от собственно... просто так поляки...?

ФБ: Да. Да, да, да, да, да.

АК: Ну понятно.

ФБ: Вот так.

АК: Может, может...

(Перерыв в записи)

ФБ: Идиш еще более или менее, а иврит – ничего нет... Я когда-то думала ехать в Израиль. Потом я обдумала, что я одна – куда я поеду? Неинтересно.

АК: Неинтересно?

ФБ: Нет. Одной – зачем? У меня там родня есть, в Израиле. Но такая родня, которым я пишу-пишу, но ответа нет. Так что... это не родня. Я потом передумала, что мне нечего ехать. Дома у меня знакомства есть, весь город меня знает. Представляете, сорок два года проработать здесь в местной больнице.

АК: Да, да.

ФБ: Меня все знают. Вот так.

АК: А в Израили в принципе там... те, кто уезжал, они что говорили там... лучше вот...

ФБ: Сейчас им нехорошо...

АК: Нехорошо? А чего?

ФБ: Кто как устроится. Некоторые более или менее. Вот у меня знакомая близкая уехала с дочкой, с зятем и с внучкой. Они мучаются, что называется (?)... Дочка очень полная. Ей устроиться на работу трудно.

АК: Из-за того, что она полная?

ФБ: Да. Из-за того, что она полная, ее несильно берут на работу. Вот не хотят ее брать на рыботу. Она зарабатывает плохо. Работа есть-нету, есть-нету. Знакомая моя болеет все время. Зять у нее такой, что... нехороший зять. Они мучаются, что называется. Здесь они имели прекрасный дом. И работу. Могли жить хорошо. Но тогда мода пошла – все поехали.

АК: Мода, да?

ФБ: Мода, конечно. Все... один на другого смотрел и поехал.

АК: Это в начале девяностых, да, было или раньше даже?

ФБ: Даже раньше.

КВ: А когда начали вообще вот так вот уезжать?

АК: Массово?

КВ: Массово.

ФБ: Массово? В восьмидесятые годы. В семьдесят... в семидесятые, восьмидесятые годы. Это (?) все начали уезжать. Один на другого смотрели и поехали.

АК: А как представляли себе вот жизнь в Израиле?

ФБ: Рай!

АК: Рай, да?

ФБ: Да, рай.

КВ: А есть такие, кто вернулся? Кто пожил там и...

ФБ: Есть, есть...

КВ: Есть у вас знакомые?

ФБ: В Тульчине, в Тульчине (нрзб одна пара?) то, что вернулись. В Винницу много возвратилось.

АК: А вы не знаете, вот как их зовут, кто вернулся?

ФБ: Нет, я не знаю.

КВ: Не понравилось значит.

ФБ: Не понравилось. Нет... и там нечего... кто мне рассказывал, что там нечего... Кто приехал и сразу и хорошо устроился, тот живет хорошо. Многие поумирали там. Очень многие поумирали. Мы не привыкли к этому климату. Там климат ужасный. Жарко. Воды (нрзб). Отсюда уехало очень много наших врачей. И в Америке. А здесь ни одного хорошего врача не осталось. Ни одного врача.

КВ: А были, да?

ФБ: Были очень хорошие.

АК: Именно евреи были, да, хорошие?

ФБ: Евреи, да. Зубные врачи. (Нрзб) уехали в Америку, в Израиль. Уже (нрзб) один, умер второй.

АК: А мы вчера беседовали с Галиной Иосифовной. Могилевской. Она тоже, по-моему... она операционная сестра – говорила, что была.

ФБ: Нет, она не была операционной. Она была детский врач.

АК: Да? Она вроде говорила...

ФБ: Она не была операционной сестрой, она была детским врачом. Потом она работала в физкабинете до последнего времени. А (нрзб) – я не знаю – работает она или нет.

АК: Нет, сейчас уже нет работает. Она книги пишет.

ФБ: (Нрзб)...

АК: А кстати она вот рассказала такую интересную вещь, что если у людей дети болели часто или даже умирали, то они как бы продавали этих детей другой семье или отдавали как бы символически что ли. Не слышали вот о таком, нет?

ФБ: Муж у нее был директор школы.

АК: Да. Это она нам все рассказала. Был очень нехороший человек...

АК: Нехороший?

ФБ: Злой, как собака.

АК: Да?

ФБ: Он был еврейский бандит? Он ненавидел евреев. Что он еврей, он ненавидел евреев. Он... мама моя работала там в библиотеке, так он над ней издевался, так издевался: чтоб его выбросило на эту сторону! Такой он был гадина. Она по характеру похожа с ним.

АК: У него же...

КВ: Что это – выбросило его...

АК: У него же у самого...

ФБ: Есть еврейская пословица: чтоб его... выбросило из могилы. Такой он хороший. Так и я говорю – чтоб его выбросило из могилы. Такая это гадина.

АК: У него же у самого мать и сестра в Печорах (?) погибли. Как он мог ненавидеть евреев?

ФБ: Он ненавидел евреев. Вот такой это был человек.

АК: Странно.

ФБ: (Нрзб)...

АК: Да.

ФБ: Он относился к евреям, как фашист...

АК: Как... как фашист?

КВ: Хуже, хуже, чем к русским?

ФБ: Хуже намного.

АК: Как фашист, вы говорите?

ФБ: Я говорю – еврейский бандит он.

КВ: А бандит, бандит – это вот нам рассказывали, что были бандиты вот где-то в двадцатые годы...

ФБ: Вот моего дедушку убили махновцы...

АК: Махновцы...

ФБ: Да... (нрзб) были тут...

АК: Это погромы здесь были, да?

ФБ: Да, папиного папу убили...

КВ: И он такой же вот... (нрзб)...

ФБ: Да (нрзб)...

АК: Она рассказывала, что когда вот его хоронили, там куча народу была с венками, с цветами там. Чуть ли не весь город рыдал.

ФБ: (Нрзб) его хоронили – может быть. Весь город не рыдал. Евреи за ним не рыдали. (Нрзб). Я его проклинала. Мама приходила с работы и вечно плакала. Она кончила техникум журналистики. Так она что-то понимала и знала. Он вечно кричал, что она не умеет работать, что она не годится. Он издевался, как только мог. Она зимой работала... она была библиотекарем. Так библиотеку поставили в комнату не отапливаемую. У нее замерзали чернила в этой библиотеке. Там сидела одетая в валенках и работала. Пока я не настояла, чтобы она ушла с работы.

АК: А вот вы говорите про... вот это проклятье такое, чтоб его выбросило, да?

ФБ: Да. Это проклятье.

АК: А вот как это... выбросило из земли – это... то есть его как бы земля не принимает, да, так вот... считай (?)...

ФБ: По-русски это сказать...

КВ: А по-еврейски...

ФБ: *Шули маройс гоффен*...

АК: Как?

ФБ: *Шули маройс гоффен*...

АК: А-а, *шули маройс гоффен*.

ФБ: *Шули маройс гоффен*. *Маройс гоффен* - это значит, «Чтоб тебя выбросило»!

АК: *Маройс гоффен*, да... А что, вот рассказывали какие-нибудь истории там или... ну даже сказки о том, что вот кого-то выбрасывало из...

ФБ: Нет. Это... так говорят.

АК: Просто так говорят...

КВ: Выражение просто...

ФБ: Да, да.

АК: А еще какие-нибудь есть проклятья или ругательства?

ФБ: Скажу правду – я не стану (?) говорить такие. Нечасто... а его я... о нем говорю (нрзб)... я никогда не забуду, как моя мама плакала, когда приходила с работы.

КВ: А долго она там проработала, продержалась долго?

ФБ: Сколько она работала? Она работала сразу в этой... в медшколе библиотекарем. Потом в этой школе (стала?) работать – лет двенадцать-тринадцать-четырнадцать.

КВ: В школе...

ФБ: В этой школе. Пока я настояла, чтоб она ушла с работы.

- КВ: А он все время после войны вот директором был, вот так и был?
ФБ: Да, да, да, да.
АК: А проклинать – это вообще плохо, да, считается?
ФБ: Нехорошо.
АК: Да...
ФБ: Это нехорошая привычка. Есть люди, шо умеют проклинать...
КВ: Умеют?
ФБ: Умеют. Ну они так высказываются. Я не могу проклинать.
«Проклинаю-проклинаю» (?) – так я никогда не говорила.
КВ: А умеют, в смысле – они вот так вот часто, да...
ФБ: А есть люди, которые проклинают, да... если им не нравится, то они (нрзб) проклинают.
АК: А вот были... были люди, которые сглазить могли, например?
ФБ: Это, говорят, что есть. *А гитер ойк...*
АК: *А гитер ойк...*
ФБ: Такие глаза...
АК: А кого вот они могли проклясть?
ФБ: Ну кто им не нравится.
КВ: А что делать тогда вот...
АК: Да, вот что делать, если там ребенок маленький, например, в доме есть – что-то такое... и пришел...
ФБ: Они стараются, чтобы этот человек не пришел в дом.
АК: А вот уже зашел уже как бы он...
ФБ: Ну ничего не д... чтобы не посмотрел на ребенка. Есть такие люди, есть. они посмотрят таким глазом и... ребенок заболел. Я на себе испытывала. Я, бывало, иду... молодой... я жила напротив автобусной остановки. Оделась в выходной день, оденусь, все оде... так, как нужно. Покрашу губки и иду туда... и шла вот сюда к дяде. Мой дядя жил – вот здесь дом с (нрзб). И я прихожу... вышла из дома совершенно здоровая. Прихожу к дяде – мне что-то нехорошо. Кто меня (нрзб), кто меня (нрзб)... вот это я (нрзб). Кто-то на меня нехорошо посмотрел. Так я говорю дяде – дядя, сделайте что-то, мне нехорошо. Так он зайдет там в комнату, в спальню зайдет. Там постоит что-то, помолится. Помолится... и становится легче.
АК: А, это вот тот самый дядя, у которого седед до войны... да, вот?
ФБ: Да, да.
АК: То есть он молитвой как бы вот этот вот...
ФБ: Да.
КВ: Интересно...
ФБ: Интересно (смеется)... Вы такое на слышали?
КВ: Нет, мы такое на слышали.
АК: А вот могла мать ребенка проклясть?
ФБ: Нет, нет. Этого нет. (Пауза). Это не мать, если она проклинает своего ребенка.
КВ: Не бывало такого, не рассказывали?

ФБ: Нет. Этого я не знаю. Вот я смотрела вчера передачу «(Нрзб) момент (?)». Вы смотрите эту передачу?

АК: Времени нет.

ФБ: Очень интересная передача. Очень интересная. Вчера было, было такое. Женщина приходит... ну такой возраст, мой возраст. Приехала она и говорит – шо у меня был... отец и мать. Но отец, значит, пожил с мамой почти два года и началась война. И я осталась с маленьким ребенком. И его забрали на фронт. Кончилась война. Думали, что он погиб. От него не было никаких писем. Но я начала... мама начала искать, и нашли. Оказывается, что он живет недалеко от нас, семьдесят пять километров от нас, но там у него другая семья. Он приехал с фронта, нашел себе женщину и женился. И там жена его – у нее уже двое детей. А мать моя, говорит, осталась со мной. Жили мы бедно. Она у нее промучилась скоро... скоро развелась. Прошли годы. Потом, говорит, мать моя умерла. Родственников у меня нету. Вот я знаю, что у меня есть отец, и две... двое детей – мальчик и девочка. Вот и я сама. И я решила с ними связаться. И вот, говорит, мне было четырнадцать-пятнадцать лет. Я поехала... там... я знала, где отец мой живет. Поехала я туда и застала отца дома... я застала отца дома. Он меня... я представилась, кто я такая. Он меня встретил холодно. Но я приехала туда, потому что там был торговый техникум. Туда я сдавала экзамены. И оказывается, что жена отца – учительница. И как раз принимает там экзамены. Когда, говорит, я пришла туда на экзамен, мне, говорит, надо было сдать один экзамен...

(Перерыв в записи)

АК: А вот у евреев раньше было так, что вот ну скажем, умирали родители или погибали, вот что с детьми их происходило? Их кто-то брал или...

ФБ: В детский дом...

АК: Нет, вот я имею в виду еще там до войны совсем... раньше.

ФБ: В детский дом еще был... так же вот мало...

КВ: Разве вот был детский дом в Тульчине?

ФБ: В Тульчине? Был.

АК: Был, да?

ФБ: Был детский дом для малышей тут.

АК: А...

ФБ: Грудных, для грудных был.

АК: И там действительно были еврейские дети?

ФБ: То... вся... всякие были.

КВ: То есть не было такого, что вот еврейского ребенка должен кто-то обязательно взять?

ФБ: Нет, у нас этого... этого не было.

КВ: А детские сады были?

ФБ: Были.

КВ: А вы ходили?

ФБ: Я не ходила в детский сад.

КВ: Почему?

ФБ: Я вам скажу – я приехала в Тульчин уже взрослой девочкой.

КВ: А вы вот до того, как в Харьков уехали, вы жили в Горишковке...

ФБ: Нет... в Горишковке. Потом мы уехали... в Одессе мы жили...

АК: А в Одессе.

ФБ: Мы жили в Одессе. А в Одессе папа мой работал на кожзаводе. Он хорошо намучился. Он был и стекольщиком, и сапожником, и чем хотите. Вот он устроился на кожзавод. А с кожзавода его отправили учиться в Харьков в институт. Тогда мы уехали в Харьков. Жили в Харькове три года. А из Харькова приехали сюда, в Тульчин. Так что я путешествовала. А в Одессе я была девочкой. Бегала. Там был детский сад рядом. Я не ходила. Мама была со мной. Хоть она болела, моя мама. Она болела позвоночником. Потом лежала год... в корыте (нрзб)... У меня первый был папа. Папа за мной ухаживал. Нянька была. Да.

АК: А украинка была нянька или это..?

ФБ: Украинка.

АК: Украинка, да?

ФБ: Была украинка. Целый год моя мама лежала в корыте в гипсовом. Потом она понялася. Ее научили ходить. Потому что она не могла ходить после года. А потом они уехали в Харьков вместе со мной.

АК: А вот эта украинка, да, вот которую они наняли, нянька, она с вами жила или она приходила каждый день?

ФБ: Нет, она была с нами.

АК: Жила, да? Но она на идише, естественно, не понимала, да? Или понимала?

ФБ: Нет. Неужели я буду помнить... не... не было...

АК: Но с вами она на каком языке говорила?

ФБ: На русском, на русском.

АК: На русском. Не на украинском, а на русском?

ФБ: На русском.

КВ: А вы на украинском говорите сейчас?

ФБ: Хорошо говорю.

КВ: А вы с детства украи... по-украински знаете?

ФБ: Да.

КВ: А вот у вас первый язык, на котором вы стали говорить вообще в детстве, какой?

ФБ: Русский.

КВ: Русский. А потом украинский. А потом уже идиш?

ФБ: Это потом. Я уже не вижу (?)... Мне все равно и по-русски и по-украински, и идиш. Все уже... я все понимаю.

КВ: Нет, а в детстве вот?

ФБ: В детстве я плохо...

КВ: Нет, но вы до того...

ФБ: В классе я начала говорить уже и по-еврейски. Понимать.

КВ: А по-украински – как бы сюда приехали после эвакуации...

ФБ: Да. После эвакуации я здесь.

КВ: А родной вот у вас язык еще?

ФБ: Русский.

АК: Русский все-таки родной, да?

ФБ: Да, да. Русский, русский.

(Конец интервью)